

Российский дипломат П.М. Власов об итогах и перспективах развития Черногорского княжества в начале XX в. и о необходимости изменений в российско- черногорском сотрудничестве

Работа дипломата в Российской империи традиционно считалась престижной и привилегированной. Она ассоциировалась у непосвященных людей со светскими приемами, нарядными мундирами, орденами. Дипломаты рубежа XIX–XX вв. представляли собой особую группу лиц, вхожих в самые высокие кабинеты, информированных о государственных тайнах, сплоченных неписанным профессиональным кодексом. Дипломатическая деятельность представлялась уделом избранных, окутанных тайной и романтической дымкой. Однако эти представления были очень далеки от повседневной, весьма непростой жизни внешнеполитического ведомства. Во-первых, дипломатическая карьера требовала от человека серьезной подготовки в области экономики, статистики, политики, культуры, безукоризненного владения иностранными языками, аналитических способностей. Во-вторых, необходимы были трудолюбие и усидчивость, потому что основным занятием дипломата любого ранга было не ведение переговоров и не участие в светских раутах, а составление отчетов, аналитических записок и донесений, которые практически ежедневно следовало отправлять руководству. Много часов дипломаты проводили за письменным столом, составляя объемные служебные документы, в которых необходимо было отражать реальное положение дел в той стране, куда забросила их судьба. Немало усилий требовалось приложить, чтобы собрать и обработать информацию, представляющую интерес для министерства иностранных дел. Бумаги должны были быть написаны хорошим литературным языком, их содержание должно было давать

ответы на самые разные вопросы, связанные с жизнью страны пребывания. Не будет преувеличением сказать, что от сотрудников внешнеполитического ведомства начальство требовало энциклопедических знаний. Но на этом сложности их работы не кончались. Часто случалось, что присланные с мест донесения вызывали недовольство в высших эшелонах власти, так как содержали сведения, противоречившие официальному курсу, разработанному правительством. Компетенцию дипломата могли поставить под сомнение только потому, что он сообщал о неудачах и провалах ранее разработанных планов. И, наконец, если говорить о специфике работы отечественных дипломатических агентов, необходимо помнить, что до начала XX в. Россия была абсолютной монархией, в ней последнее слово всегда оставалось за царем. Особенно важно это учитывать, когда речь идет о Николае II. Архивные документы свидетельствуют, что последний русский император нередко принимал внешнеполитические решения вопреки советам сотрудников МИД, не обращая внимания на то, какие объективные данные ему были предоставлены.

Все выше перечисленные особенности дипломатической службы хорошо видны на примере яркой, не слишком продолжительной карьеры Петра Михайловича Власова (1850–1904). Ему довелось возглавлять дипломатическую миссию Российской империи в Черногории в начале XX в., в момент острого социально-экономического и политического кризиса, переживаемого Княжеством. В основу нашего исследования легли разные документы из Архива внешней политики Российской империи и из архива российской миссии, который хранится в Национальном музее Черногории в Цетине. Особенно стоит отметить объемные черновики донесений и сами донесения П.М. Власова министру иностранных дел. Из них видно, какие чувства испытывал русский представитель, когда анализировал итоги двусторонних отношений и оценивал практические результаты, достигнутые в Княжестве благодаря щедрой материальной помощи и постоянной внешнеполитической поддержке со стороны России.

Петр Михайлович Власов родился в 1850 г. в семье казака, однако то, что он не был дворянином, не помешало одаренному юноше выбрать дипломатическую карьеру. В Новочеркасске

он закончил отделение восточных языков при местной гимназии. В 1873 г. поступил в Азиатский департамент МИД России. С 1882 г. работал консулом в персидском городе Реште, с 1888 г. — генеральным консулом в Мешхеде. В 1897 г. получил довольно необычное поручение — возглавить российскую чрезвычайную миссию в Эфиопии, которая тогда называлась Абиссинией. В состав миссии вошли разные специалисты, военные, врачи, инженеры, им пришлось преодолеть 500 километров по горам Северной Африки и пустыне, чтобы добраться до Аддис-Абебы — столицы мало известной россиянам африканской страны. У экспедиции были разные цели, но запомнилась она местному населению своей гуманитарной деятельностью. Были развернуты медицинские пункты, где врачи оказывали неотложную помощь больным. Позже П.М. Власов вспоминал этот положительный опыт и предлагал сделать то же самое для укрепления авторитета России в Черногории. За успешную работу дипломат был награжден эфиопским орденом Звезды первой степени¹. После завершения миссии в Аддис-Абебе в январе 1901 г. Власов был отправлен министром-резидентом в Цетине, где пробыл до осени 1902 г. Затем он был переведен посланником в Тегеран, но в 1904 г. неожиданно умер. Дипломатическая деятельность П.М. Власова была высоко оценена, о чем свидетельствуют его многочисленные российские и иностранные награды.

В Цетине П.М. Власов приехал в разгар острого финансового кризиса, ставшего результатом неосторожной политики заключения займов за рубежом, активно проводившейся княжеским правительством. Непомерные долги могли обернуться утратой суверенитета и установлением финансового контроля над Черногорией, которым грозили кредиторы (Австро-Венгрия и Османская империя). Русскому царю пришлось спасать «единственного друга», выделив дополнительные 750 тыс. рублей и консолидировав черногорские долги. Чтобы разобраться в причинах денежных проблем союзника, в Черногорию был послан сотрудник российского министерства финансов П. Миллер для выяснения всех обстоятельств, поставивших страну на грань катастрофы². Итогом этой командировки стал подробный отчет о том, как непрофессионально ведется работа княжеского ми-

нистерства финансов. Отдельно было отмечено, что сам монарх Никола Петрович и члены его семьи несут личную ответственность за финансовые провалы, так как позволяют себе траты, несопоставимые с возможностями черногорского бюджета.

Полученные из Черногории неутешительные сведения встревожили руководителей российского МИД и министерства финансов. Поэтому в доверительной инструкции, составленной министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом только что получившему назначение П.М. Власову, содержались довольно противоречивые указания, основанные на выводах П. Миллера. С одной стороны, министру-резиденту настоятельно рекомендовали не вмешиваться во внутренние дела Княжества, чтобы не вызывать новых осложнений в отношениях с черногорским правителем, имевшим прочную поддержку в семействе Романовых. С другой стороны, П.М. Власов должен был «в благожелательной форме постоянно напоминать князю о необходимости преобразований», ибо помощь России «не будет иметь практических последствий, если сам князь не пожелает <...> принять меры к тому, чтобы упорядочить финансовое хозяйство страны»³. Трудно представить, как можно было убедить своевольного господаря соблюдать финансовую дисциплину и режим экономии, не оказывая на него политического давления. В доверительной инструкции этот щекотливый вопрос не поднимался. Внешнеполитические задачи, поставленные перед новым министром-резидентом, тоже не были простыми. Он должен был призывать черногорские власти сохранять статус-кво в регионе, убеждая их поддерживать добрососедские отношения со всеми странами, особенно с Сербией. Эта установка в корне расходилась с упорным стремлением черногорского монарха подталкивать повстанческое движение в пограничных областях Боснии и Герцеговины и с ярко выраженной неприязнью, которую князь Никола проявлял в отношении сербских правителей.

Тем не менее, несмотря на такие «туманные» предписания, новый руководитель российской миссии в Цетине приступил к исполнению своих обязанностей, полный решимости изучить сложившуюся ситуацию и попробовать ее изменить. Уже в первые месяцы пребывания в стране, с января по март 1901 г.,

Власов составил собственное мнение о черногорцах, сразу же разделив в своих оценках политических руководителей и народ в целом. Князя Николу он считал упрямым дряхлеющим стариком, не любящим работы, которая требовала усидчивости, и не способным надолго сосредоточиться даже для выполнения самых важных дел. По мнению Власова, господарь был чрезмерно амбициозным, склонным к интригам человеком, часто впадающим в раздражение. В то же время дипломат отметил и некоторые его незаурядные способности. Правитель Черногории умел нравиться собеседникам, производя на них большое впечатление, был красноречив и наделен актерскими способностями, быстро входил в ту роль, которую считал подходящей в той или иной ситуации. Нелицеприятную характеристику российский министр-резидент дал княжеским сыновьям Даниле и Мирко. Старшего сына Данилу он описал как вялого, безразличного к политике, плохо образованного человека, оказывавшего на отца большое влияние. Правда, это влияние наследник престола использовал главным образом для того, чтобы улучшить собственное материальное положение. Государственными делами принц практически не занимался, хотя, по словам Власова, был наделен здравым смыслом. Второй сын Мирко и вовсе изумил русского дипломата своим поведением и заявлениями. П.М. Власов подробно описал беседу с Мирко, посетившим миссию 24 марта 1901 г. Во время непродолжительного разговора княжич успел наговорить гадостей о россиянах, работавших тогда в Княжестве. После этого он заехал к секретарю миссии С.А. Лермонтову и пожаловался на самого Власова за холодный прием. Российский представитель в донесении В.Н. Ламздорфу иронизировал по поводу этого странного поступка, отметив, что визитер «приписал мне немало из тех мнений, кои сам высказывал»⁴. Попытки второго сына Николы участвовать в политической жизни трудно назвать успешными. Мирко доставил много неприятностей и хлопот своему отцу и российским дипломатам, заявив о претензиях на сербский престол и спровоцировав тем самым крупный династический скандал⁵. Также П.М. Власов подробно изложил руководству МИД России свое мнение о министрах княжеского правительства. Большинство из них дипломат назвал «безволь-

ными инструментами» в руках монарха за то, что они «не имеют собственной позиции и не пользуются никаким влиянием». Некоторые руководители были охарактеризованы им как «тунеядцы, не лишённые ума, но живущие за счет милостей князя». Многие члены правительства показали Власову русофобами, сопротивляющимися проведению реформ, на необходимости которых настаивали в Петербурге. Исключением он считал митрополита Митрофана, министра народного просвещения и министра внутренних дел и юстиции⁶.

Совсем иначе отзывался дипломат о черногорском народе, подчеркивая его любовь и благодарность России. Он сочувствовал и сопереживал простым черногорцам, неоднократно высказывал глубокое уважение к ним. Жизнь народа Власов описывал самыми мрачными красками. В мае 1901 г. он доносил, что «положение дел в княжестве должно быть без преувеличения признано аномальным, крайне тяжелым и внушающим серьезную тревогу»⁷. Черногория — бедная страна, со сложным климатом (суровые зимы в горах и жаркое засушливое лето), малым количеством посевных площадей, зависимость от внешней торговли с Австро-Венгрией. Природные ресурсы, очень скромные, по мнению Власова, расходовались неразумно: «Лесов в Черногории сравнительно немного и таковы необширны по объему, за неимением же другого минерального топлива, леса истребляются на этот предмет, а следовательно, угрожают скоро исчезнуть. Полное же исчезновение лесной растительности должно уменьшить и без того незначительный летом запас воды и влаги и тем самым повлиять вредно как на пастбища, так и на посевы, увеличивая недороды, от которых весьма чувствительно страдает Черногория периодически, не менее 2 и даже 3 раз в десятилетие»⁸. Преодолеть такое нерациональное отношение к природным запасам оказалось не просто, потому что черногорцы, как заметил министр-резидент, консервативны и с трудом перенимают чужой опыт. Поэтому для повышения уровня жизни народа были необходимы всеобщее образование, эффективное руководство и продуманная экономическая политика властей.

Однако князь Никола не осознавал в должной мере всей серьезности положения дел в народном хозяйстве. П.М. Власов

считал, что «будущее черногорского народа его мало волнует», правитель смотрит на страну как на свой лен, а на население как на оброчных крестьян, он не государь, а лендлорд. Глава миссии цитировал в доверительной депеше от 4 июня 1901 г. высказывание черногорского митрополита Митрофана: «Князь всегда поработал свой народ и, наконец, нуждой и страхом перед своим авторитетом убил в нем всякое самосознание и всякую волю»⁹.

Между тем, неспособность черногорских властей собственными силами решить экономические проблемы не устраивала русских покровителей. На случай политических осложнений на Балканах России нужно было стабильное, готовое к боевым действиям государство-союзник, в этом заключалась суть разработанной российским военным министерством доктрины. На деле же о стабильности и готовности к войне говорить не приходилось, Черногория постоянно балансировала на грани голода и полного финансового краха. Неблагополучная экономическая ситуация осложнялась тем, что авторитарное правление князя опиралось на довольно непрочный политический фундамент. Правитель явно переоценивал свою власть над народом. Его еще любили старики, которых «он лично водил в бой против турок», но даже старшее поколение «не одобряло образа жизни князя и его семьи». Люди среднего и юного возраста, как считал министр-резидент, относятся к монарху «с недоверием и насмешкой над его слабостями и манией величия», а также «со злобой к его семейному эгоизму»¹⁰. Таким образом, по мнению П.М. Власова, авторитет правителя сильно пошатнулся к началу XX в. К анализу внутренней ситуации в Княжестве министр-резидент добавил свои суждения о чувствах черногорского правителя к России. Не осталось сомнений в недоброжелательном отношении Николы Петровича к российскому руководству и к официальным представителям Империи в Цетине. Власов писал В.Н. Ламздорфу в апреле 1901 г.: «В каждом слове князя проглядывало явное неудовольствие нами или звучала нота насмешки и горького разочарования в том, что Россия не торопится расплатиться с его долгами»¹¹; «Лично же мною он недоволен за то, что при каждом удобном случае я рекомендую ему ввести финансовый бюджет и контроль»¹². Руководитель миссии был

убежден, что Никола давно перестал ценить русскую помощь, не сомневаясь, что в трудную минуту его в любом случае выручат. Пришлось сделать неутешительный вывод: «При таких условиях все жертвы России, не принося никакой непосредственной пользы Черногории и ее народу, не служа нисколько к улучшению быта последнего или подъему его нравственного духа, не спасая его нисколько от нужды насущной, ведут лишь к одному, а именно доставлению средств и возможности княжеской семье избавить себя от всякого труда и забот и улучшить свое личное материальное положение за счет России»¹³. Поэтому уже в апреле 1901 г. П.М. Власов настаивал на том, что необходимо в корне менять характер помощи княжеству, сместив центр тяжести с монархических институтов непосредственно на сам черногорский народ.

В.Н. Ламздорф благосклонно принял суждения дипломата, отзываясь о проделанной им работе следующим образом: «... Министерством по достоинству оценена откровенность, с коей в последних экспедициях Ваших представлена картина настоящего положения вещей в княжестве, и я просил бы Вас не отступать от нее и впредь во всех донесениях о вверенных попечению Вашему интересах». Исключительно осторожный политик, министр так явно поддержал критическое отношение Власова к черногорской элите потому, что на то была воля самого царя: «Означенное донесение повергнуто, — писал он, — было на высочайшее благоволение, и его императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше одобрить высказанные в нем соображения»¹⁴.

Неблагополучие страны-союзника и нелояльное поведение ее руководителей, отмечаемое П.М. Власовым практически в каждом донесении, заставляли министра иностранных дел время от времени сообщать Николаю II о затруднениях в Черногории. В июле 1901 г. В.Н. Ламздорф охарактеризовал отношение царя к донесениям Власова следующим образом: «Принося Вам благодарность за сообщение крайне полезных и интересных данных по сему предмету, считаю своим долгом присовокупить, что Государю императору благоугодно было всемилостивейше оценить Ваши посильные старания добиться истинной правды во всех делах, вверенных Вашему попечению, и высказывать, не стесняясь

никакими посторонними соображениями, с полной откровенностью Ваше личное мнение»¹⁵. То есть, в начале своего пребывания в Княжестве П.М. Власов сумел довести до сведения высшего руководства Империи негативную оценку состояния черногорской экономики и качества российско-черногорских контактов. Правда, плата за профессиональную объективность лично для Власова оказалась довольно высокой. В Петербурге быстро узнали о том, как раздражен и настроен против министра-резидента князь Никола. Гнев господаря мог обернуться неприятностями для сотрудников русской миссии. Поэтому В.Н. Ламздорф настойчиво рекомендовал своему подчиненному «проявлять более мягкости и некоторого добродушия в сношениях с князем Николаем и его семьей»¹⁶.

Тем не менее, именно после очевидного одобрения, высказанного Николаем II, российский МИД и миссия в Цетине попытались изменить содержание двусторонних отношений и заставить князя Николу более ответственно отнестись к обязательствам перед собственным народом и перед русскими союзниками. Выплаты дотаций на нужды черногорского правительства всё чаще сопровождались условием предоставления отчетов о проделанной работе. Это еще больше злило князя, уверенного в том, что он имеет дело с кознями российского представителя.

В.Н. Ламздорф поручил Власову разработать план мероприятий, которые бы позволили исправить очевидные промахи, допущенные в Черногории, и постараться укрепить российское влияние в регионе¹⁷. Министр-резидент горячо взялся за дело. Он предлагал сменить приоритеты в распределении финансовой помощи союзнику, которая росла из года в год, явно выходя за рамки разумного. Основные траты приходились на государственный аппарат и вооруженные силы. Деньги, потраченные на черногорскую армию, с точки зрения П.М. Власова, не приносили ожидаемого результата. Учебный батальон, выплаты на который постоянно увеличивались, собирался нерегулярно, его бойцов использовали для строительных работ или для проведения парадов. Артиллерийская батарея, создание и содержание которой тоже оплачивала русская казна, «перестала существовать даже на бумаге»¹⁸. Русская военная субсидия фактически стала источником обогащения княжеской семьи и придворной кама-

рильи, а сколько-нибудь эффективных механизмов контроля над тем, как тратятся деньги, не было. Госаппарат Черногории тоже был не на высоте, несмотря на регулярные денежные вливания и попытки проводить преобразования в разных сферах управления.

В своем плане обновления русской политики в Княжестве П.М. Власов предложил заняться развитием системы народного образования, сосредоточив руководство этой сферой в руках русских специалистов. Он горячо убеждал начальство: «Я исходил при этом из того предположения, что руководить делом образования народа равносильно тому, что руководить его совестью или держать ключ к его сердцу; что, следовательно, имея в наших руках заведывание народным образованием в княжестве, мы могли бы фактически направлять молодое поколение его в смысле, желательном России, привязывать его к ней духовно и постепенно готовить из него стойкий по духу и убеждениям и дружественный ей народ, на который без недоверия могла бы положиться и опереться Россия, когда нам потребовалось бы содействие его на Балканах»¹⁹. Власов искренне верил, что это самый надежный способ приобретения союзников, хотя и не был наивным идеалистом. Дипломат не исключал, что не получится установить ту самую неразрывную духовную связь двух народов, о которой он пишет. Возможно, Российской империи вовсе не понадобится помощь Княжества в политических или военных делах, но даже в таком случае ее траты не будут бесцельными и бесполезными. «...И тогда бы они оставили неизгладимый след в сердце этого народа по их широко гуманитарным целям в духе милосердия сильного к слабому и способствовали бы к еще большему подъему престижа имени России среди южных славян, и из одного только этого мы могли бы решиться на такие жертвы»²⁰. Как видим, за 80 лет до того, как американский политолог Джозеф Най ввел в оборот термин «мягкая сила» (soft power), русский дипломат П.М. Власов предлагал использовать культурную и образовательную политику для решения вполне понятных и конкретных внешнеполитических задач.

Стремясь быть предельно убедительным, Власов составил два обширных обзора о системе народного образования Черногории. Материалы для них помог собрать драгоман миссии славист

П.А. Ровинский — самый компетентный эксперт того времени. Первый доклад был посвящен начальным народным школам и средним учебным заведениям, второй содержал анализ многолетней работы в Цетине Мариинского женского института, которым руководила выпускница Смольного института благородных девиц С.П. Мертваго²¹. Дипломат настаивал на том, что нужно не просто взять народное образование Княжества под контроль русских специалистов, а реформировать его «на рациональных началах и согласно с местными жизненными потребностями». То есть, видел в развитии черногорского просвещения не только канал российского влияния, но и инструмент, с помощью которого страна сумеет преодолеть экономическую отсталость и застой в народной жизни. Основные предложения Власова сводились к тому, чтобы пересмотреть и усовершенствовать школьные программы, создать неразрывную связь между начальными школами и средними учебными заведениями. Предлагалось поставить перед княжеским министерством просвещения задачу подготовки кадров для практической деятельности в сфере управления и образования; подобрать компетентных учителей, посылать их учиться в Россию; обеспечить школы пригодными помещениями и учебными пособиями. По сути, это был план полной модернизации системы народного образования. Не питая никаких иллюзий в отношении черногорской элиты, Власов предупреждал, что такая реформа будет возможна только в том случае, если Россия возьмет на себя все расходы по ее проведению. Поэтому он тщательно подсчитал, что на содержание всех учебных заведений потребуется ежегодно максимум 147 тыс. рублей или минимум 85 тысяч. Кстати, надежным рычагом влияния Власов считал и медицинское обслуживание населения. Поэтому изложив проекты в области образования, он добавил, ссылаясь на свой эфиопский опыт, что было бы очень полезно развернуть сеть амбулаторий²². Но понимая, что будет очень непросто убедить российское правительство осуществить такие масштабные гуманитарные начинания, «медицинскую тему» он развивать не стал. В целом же дипломат полагал, что для оказавшейся в состоянии системного кризиса страны самым лучшим выходом стало бы установление полного финансового контроля России над Княжеством.

Не трудно угадать, каким был ответ из Петербурга. В ноябре 1901 г. в миссию пришло письмо министра финансов С.Ю. Витте. В нем было сказано, что Россия «не может без ущерба для своего собственного хозяйства доставить Черногорскому княжеству денежные средства сверх тех, которыми она уже поступилась и продолжает ежегодно поступаться». Отдельно Витте отверг идею установления финансового контроля над Княжеством, потому что не сомневался, что «орган контроля встретит большие затруднения для противодействия непроизводительным расходам, и на этой почве легко возникнут ненормальные отношения» между двумя государствами. К тому же, установление такого контроля «перенесет на Россию известную долю ответственности за черногорские финансы»²³. Следует признать, что у С.Ю. Витте были весомые аргументы. Действительно, как ни благородно было помогать славянам Балканского полуострова решать их наболевшие проблемы, но в самой России те же социальные вопросы стояли достаточно остро. Прав был С.Ю. Витте и в том, что финансовый контроль над союзником никакой пользы России не принесет. Скорее такой контроль мог стать еще одним способом манипулирования идеей русско-черногорского сотрудничества и под ее прикрытием позволять снова и снова вытягивать средства из русской казны. Известно, как министр финансов сам активно боролся с черногорским лобби при российском дворе²⁴. Впечатляет содержание его докладных записок царю и Государственному совету, в которых перечислялись все виды помощи, оказанной Черногории, и назывались астрономические суммы, потраченные с 1878 г. на развитие Княжества. Вместе с тем, трезвомыслящие политики Российской империи понимали, что до тех пор, пока государственные финансы находятся в полном распоряжении Николая II, они будут распределяться прежним неэффективным образом. Личные соображения и намерения великодушного, но крайне недальновидного царя всегда будут перевешивать любые, даже самые обоснованные расчеты. Поэтому согласиться на очередную дорогостоящую «черногорскую кампанию» российское министерство финансов не считало возможным. Таким образом, предложенная Власовым программа развития системы народного образования Черногории на российские деньги и силами россий-

ских специалистов была отвергнута. Увы, это не помогло уберечь русские деньги от предприимчивого черногорского правителя.

Расходы России на нужды «союзника» продолжали расти, причем, планомерные финансовые потоки по-прежнему предназначались чиновникам и военным. В 1902 г. ежегодные выплаты подняли с 222 тыс. рублей до 500 тысяч. С.Ю. Витте сообщал военному министру А.Н. Куропаткину в 1902 г.: «Государь император в 19 день сего апреля высочайше повелеть соизволил:

1/. Производимую ныне Черногорскому княжеству по финансовым сметам Министерств Военного, Иностранных дел, Народного просвещения и Святейшего синода ежегодную субсидию в общей сумме 222.938 руб. увеличить до 500.000 руб., с тем, чтобы кроме содержимых в настоящее время на счет пособия, производимого по смете Военного министерства учебного батальона и полубатарей, черногорское правительство обязано было производить расходы на военные потребности, показанные в прилагаемой при сем выписке из письма Князя Черногорского к Его императорскому величеству, всего в сумме 249.000 руб. в год.

2/. Сверх того, начиная с 1903 года, принять на счет государственного казначейства уплату Государственному банку долга по ссуде в 750.000, разрешенной высочайшим повелением 17 ноября 1900 г.

3/. Из дополнительной, разрешенной сим высочайшим повелением субсидии в сумме 277.062 руб. вносить 249.000, исчисленные князем Николаем на военные потребности, в сметы Военного министерства сверх предельного бюджета, остальную же сумму 28.062 руб., а равно и сумму, потребную на уплату долга, отпускать по смете департамента Государственного казначейства.

4/. Следующие за текущий год в счет дополнительной субсидии 197.000 руб. ассигновать в распоряжение военного министра для выдачи по принадлежности на счет 12-ти миллионного фонда, назначенного по государственной росписи на экстренные, не предусмотренные сметами надобности»²⁵.

Содержание этого документа дает основания утверждать, что Николай II нес личную ответственность за непомерную и часто бесполезную трату народных средств. А дипломат П.М. Власов и его коллеги выглядят беспомощными донкихотами, сражаю-

щимися с ветряными мельницами российского и черногорского абсолютизма.

После предпринятой летом 1901 г. неудачной попытки в корне изменить систему субсидирования Черногории, работа миссии пошла по старому пути. Во-первых, до конца своего пребывания в Княжестве П.М. Власов продолжал изучать и оценивать экономическую ситуацию в стране, подробно сообщая обо всех неурядицах. Так, в феврале 1902 г. он доносил о значительной задолженности обедневшего населения по налогам, подчеркнув в очередной раз: «И при таком печальном экономическом положении дел в княжестве, когда касса оною пуста, а чиновники живут буквально впроголодь, не получая по целым месяцам жалования, княжеская семья со спокойным духом предпринимает беспрерывно дорогостоящие заграничные путешествия»²⁶. Особенно руководителя миссии беспокоили растущая эмиграция мужской части населения и безразличие черногорского правительства к этому явлению. Складывалось впечатление, что российскую миссию гораздо больше, чем черногорских министров, волновало то обстоятельство, что хозяйство остается без рабочих рук. Министр-резидент негодовал по поводу того, что власть охотно раздает заграничные паспорта желающим оставить Княжество, способствуя тем самым убыли трудовых ресурсов. Такое поведение государственных чиновников дипломат объяснял, с одной стороны, стремлением избавиться от «недовольного элемента», то есть от лиц, способных протестовать против сложившегося положения. С другой стороны, Власов подозревал, что за демонстративным безразличием властей стоял корыстный расчет. Чиновники были не прочь скупить за бесценок земли переселенцев, чтобы раздавать их «преданным князю лицам»²⁷.

Во-вторых, Власову приходилось постоянно сообщать в Петербург о финансовых нарушениях, которые позволяли себе все, «начиная с грошовых злоупотреблений» кассиров, почтовых служащих, окружных начальников и сборщиков налогов и заканчивая высокопоставленными должностными лицами. Рядовых служащих Власов даже жалел, считая, что их воровство вызвано «хроническим недополучением и без того незначительного жалования», следствием чего были «частое голодание семей, постоян-

ная задолженность их у поставщиков и купцов», а также задолженность ростовщикам, бравшим непосильные проценты за свои услуги. Элиту же дипломат считал виновной во всех бедах народа и никакого сочувствия ей не высказывал. Он не сомневался, что даже если Россия сумеет настоять на проведении финансовой реформы в Княжестве и будет установлен контроль над государственной казной, кардинальных улучшений не наступит. Вряд ли удастся справиться с хроническим дефицитом денег, «корень которого глубоко засел в княжеской семье, приучившей себя смотреть на государственные доходы как на свои личные и распоряжаться оными по своему усмотрению, не отдавая никому никакого отчета и не справляясь ни с платежными силами княжества, ни с его нуждами чисто государственными и народными». По мнению Власова, княжеская семья «проявляла всё больше своеволия и самодурства»²⁸. Доказательств жестокости и равнодушия власти было достаточно. «Как на характеристику действий правительства по отношению к народу, я позволю себе указать на два нижеследующих примера, имевших место в конце минувшего и начале текущего годов. При проложении колесной дороги на Даниловград путем принудительной повинности, разлагавшейся на соседние поселения, приходящих на работы из отдаленных селений с запаздыванием на час подвергали наказанию, привязывая к деревьям на целые сутки и заставляя работать лишние против положенных дни; для работы не отводилось помещений, им и не выдавалось продовольствие. Жители селения Враньины на берегу Скутарийского озера, кои по недостатку земли и вследствие частого заливания их пашен, не могут заниматься земледелием и живут более рыбной ловлей, благодаря обилию дождей и половодью были лишены этого промысла и явились к князю с ходатайством помочь им выйти из критического положения. Их послали безвозмездно чинить дорогу», — сообщал в МИД Власов 19 марта 1902 г.²⁹ Как человек из народа, он был возмущен такой беззастенчивой эксплуатацией населения Княжества.

В-третьих, как и было предписано министром иностранных дел, руководитель миссии активно занимался внешнеполитическими проблемами, точно следуя полученным инструкциям. За время его пребывания в Цетине произошли такие события,

как визит князя Николы в Петербург в декабре 1901 г.; столкновения на албанско-черногорской границе; обострение ситуации в Македонии; уже упомянутый династический скандал, спровоцированный княжичем Мирко; довольно длинные и совершенно бесполезные споры между Ватиканом и княжеским двором из-за права руководить католическим институтом св. Иеронима, находившимся на территории Антиварской (Барской) архиепископии. Также в это время болгарскими, сербскими и черногорскими властями были предприняты неуклюжие попытки «подружиться», то есть преодолеть имевшиеся противоречия и наметить общие подходы к решению региональных вопросов. Этот сюжет занял особое место в донесениях министра-резидента. В целом, в вопросах внешней политики сохранялось уже давно сложившееся различие в установках черногорского двора и российской миссии. Князь и его окружение надеялись использовать волнения на границах с Турцией и Австро-Венгрией для того, чтобы активизировать действия России на Балканах. Российское руководство, напротив, настойчиво требовало сохранять принцип статус-кво. Понятно, что это расхождение осложняло положение Власова в Черногории и создавало почву для постоянных стычек и разбирательств с черногорскими коллегами и лично с князем Николой. Занимаясь внешнеполитическими вопросами, русский дипломат имел возможность наблюдать особенности дипломатической работы господаря, его нетривиальные способы общения с иностранными агентами. «Считая себя тонким политиком, а аккредитованных при себе дипломатических представителей круглыми профанами, князь Николай любит доставлять себе по временам развлечение, а именно: ставить их в неловкое и затруднительное положение невинными по виду, но злоумышленными по замыслу вопросами, предложениями и просьбами советов, и в то же время сильно раздражается, когда кто-либо из них ловит его и заставляет признать умышленность», — писал Власов в донесении 5 марта 1902 г.³⁰ Власову довелось наблюдать, как князь «старался унижить» злой шуткой болгарского агента в присутствии его сербского коллеги³¹. Русский дипломат и сам становился время от времени участником нелепых сцен. Например, в начале мая 1902 г. господарь заявил, что получил от Николая II пригла-

шение в Россию на военные маневры. Изумленный Власов сообщил об этом в Петербург и получил ответ, что «от высочайшего имени государя императора подобных предложений не было сделано» (на телеграмме помета царя «Съ»)³². В июле 1902 г. князь утверждал, что именно он советовал итальянскому королю Виктору Эммануилу III посетить Россию и даже знает, когда состоится ответный визит российского императора. На этом донесении стоит ироничная помета Николая II: «Чрезвычайно любопытно мне самому знать, где и когда это будет?»³³.

Поначалу профессионалу-дипломату трудно было выбирать правильную линию поведения в контактах с такими своеобразными партнерами. Но через несколько месяцев пребывания в стране Власов привык к повадкам черногорского монарха и старался оставлять без внимания его чудачества и дерзости, главным образом потому, что понял бесполезность попыток противостоять княжескому «дипломатическому искусству». В январе 1902 г. он сообщал В.Н. Ламздорфу, что господарь в его присутствии крайне отрицательно отозвался о работе российской миссии. Власов не стал спорить с разгневанным Николаем: «Если я не счел себя вправе возражать ему на такую несправедливость по отношению к моим, во всех отношениях достойным и к тому же ни в чем не повинным перед ним предшественникам, то лишь потому, что наученный горьким опытом, имел в виду, что каждое возражение с моей стороны, как бы законно и уместно не было таковое, должно было неизбежно вызвать новую жалобу на меня князя Николая, а последняя — причинить лишнюю заботу моему правительству»³⁴. В общем, сочувствуя черногорскому народу и искренне стараясь ему помочь, П.М. Власов не смог и не считал нужным скрыть своего неуважения и даже презрения к князю и его окружению.

Правители Черногории отвечали Власову «взаимностью», давая ему самые негативные характеристики. Княжеский министр иностранных дел Г. Вукович в своих мемуарах описал русского дипломата как «антипатичную личность», человека, неподходящего для деликатных поручений, добавив, что второго такого субъекта нельзя было найти в России³⁵. В свою очередь Власов писал о Г. Вуковиче как о политике, который имеет «привычку

не говорить правды», к тому же крайне недружелюбно относится к России³⁶. Сам Никола Петрович не считал нужным скрывать от Власова, что постоянно жаловался на него в Петербург. Нервные аудиенции, во время которых правитель повышал голос и высказывал бесконечные претензии в адрес России, чередовались с эмоциональными порывами, когда князь, как настоящий артист, обнимал Власова и призывал, забыв прежние обиды, рука об руку трудиться на благо Черногории. Желая как можно сильнее уязвить русского министра-резидента и подчеркнуть монаршую немилость, государь обошел его наградой в июле 1902 г. Реакция на очередной укол была «недипломатичной» и шла вразрез с принятыми тогда правилами. Власов готов был «отплатить» той же монетой и отказаться от любых черногорских наград. В.Н. Ламздорф был вынужден удерживать подчиненного от резких действий. «Милостивый государь Петр Михайлович, — писал он, — в депеше от 10 июля за № 92 Ваше превосходительство, сообщая о том, что в настоящее время все аккредитованные в Цетине иностранные представители, за исключением лишь Вас, награждены князем Николаем черногорскими орденами, Вы обратились с просьбой о разрешении Вам отказаться от черногорского знака отличия в случае, если бы Его королевское высочество* пожелал впоследствии наградить Вас таковым. В виду изложенного почитаю долгом уведомить Ваше превосходительство, что упомянутая депеша была подвергнута мною на всемилостивейшее благовоззрение государя императора, и его императорскому величеству благоугодно было собственноручно на оной начертать: “Должен принять в свое время”»³⁷. Даже когда стало известно, что Николай II утвердил перевод Власова в Тегеран, правитель Черногории не смог удержаться от некорректного поведения в беседе с русским представителем. В секретной телеграмме министр-резидент доносил: «На извещение о предположении заместить пост в Цетине д.с.с. Щегловым князь Ни-

---

* В связи с женитьбой старшего сына княжича Данилы на принцессе Мекленбургской черногорский князь Никола с помощью России в декабре 1900 г. добился принятия титула королевского высочества. См.: *Хлебникова В.Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский дом Романовых и Балканы. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 285–286.

колай заявил, что вначале ему требуется время обдумать вопрос этот, и только после замечания моего, что заявление это может быть понято как недоверие к выбору, сделанному императорским правительством, поспешил ответить, что Щеглову будет оказан хороший прием»³⁸. Таким образом, отношения с обеих сторон были не просто натянутыми, но откровенно враждебными.

Обиднее всего было то, что коллеги Власова не торопились поддержать его в борьбе с черногорским двором. В.Н. Ламздорф, с одной стороны, признавал справедливость суждений дипломата. В течение многих лет министру приходилось читать сообщения своих сотрудников о неоднозначном поведении черногорской элиты и о поступках князя, ставивших российскую дипломатию в затруднительное положение. С другой стороны, глава МИД прекрасно знал о влиянии черногорского лобби на Николая II. Он сам оказывался в щекотливой ситуации, когда за его спиной великие княгини Анастасия и Милица, дочери Николы, провоцировали головокружительные интриги и «добывали» деньги из российской казны³⁹. Тяжелый многолетний опыт наводил на мысли, что принципиальность и правдолюбие Власова ничего не изменят в способе принятия решений по черногорским вопросам, сложившимся за долгие годы. Размышляя над тем, как реагировать на донесения министра-резидента, В.Н. Ламздорф поделился своими сомнениями с опытным дипломатом А.Н. Нелидовым, много лет проработавшим на Балканах. Нелидов высоко оценил «наблюдательность и настойчивость» Власова. Он тоже считал, что затраты на вооруженные силы Черногории не слишком полезны для России. Соглашался он и с тем, что реформы и наведение порядка в финансовых делах невыгодны князю, который никак «не решится разом отказаться от столь удобного для него, унаследованного от предшественников права безгранично распоряжаться народным богатством», однако считал, что русский представитель в Цетине напрасно так бдительно следит за выходками князя Николы. Нелидов предположил, что глава миссии «слишком явно дает чувствовать в Черногории, что она всем нам обязана», задевая тем самым болезненную тему зависимости от российской помощи. Еще один упрек, адресованный Власову, заключался в том, что тот слишком доверяет мне-

нию европейских дипломатов, аккредитованных в Черногории. Дескать, иностранные агенты специально пересказывают все неосторожные и некорректные заявления в адрес России, чтобы «возбудить в г. Власове ревность и недоверие к княжеской семье и создать между ними натянутые отношения»⁴⁰. Получалось, что руководитель миссии в Цетине сгущает краски и тем самым создает ненужное напряжение в русско-черногорских отношениях. В.Н. Ламздорф в ответном письме возразил Нелидову: «...В характере г. Власова может быть ощущается недостаток гибкости и мягкости, которые значительно облегчили бы ему сношения с княжеской семьей», но «взамен сего г. Власов, несомненно, проявил не только вполне добросовестную наблюдательность, но и неоценимое у правительственного агента качество, — а именно гражданское мужество говорить правду, не стесняясь никакими посторонними соображениями»⁴¹. То есть, министр иностранных дел, хорошо зная, насколько непросты условия работы в Черногории, отдавал должное усилиям сотрудников миссии, направленным на то, чтобы отстоять интересы отечества. Другое дело, что исправить ситуацию и заставить князя Николу вести себя корректно российский МИД не мог.

Единственным результатом заранее проигрышной борьбы министра-резидента Власова с черногорским двором, беззастенчиво запускавшим руку в русскую казну, было то, что в МИД отказались от последних иллюзий в отношении Черногории как союзника. Об этом можно судить по тем доверительным инструкциям, которые получил преемник Власова А.Н. Щеглов от министра иностранных дел в конце сентября 1902 г. В них в который уже раз перечислялись коренные проблемы управления страной: «Как Вы усмотрите из обстоятельных донесений Вашего предшественника, <...> будущее Черногории внушает справедливые опасения. Неурядицы во внутреннем управлении княжества, расстройство денежного ее хозяйства, вызванное главным образом отсутствием сколько-нибудь правильного контроля, а также непосильными для страны расходами княжеского двора, чрезмерная задолженность, в связи с природной бедностью края и отсутствием у населения его капиталов и промышленной предприимчивости, — всё это создает для Черногории в высшей степени

тяжелое финансовое положение, нередко угрожающее княжеству потерей экономической самостоятельности»⁴². Влияние Власова на позицию МИД можно увидеть в том, что в инструкциях речь шла не только о военно-политических вопросах — в них затронута и состояние народного образования, которое «также находится в княжестве далеко не в удовлетворительном состоянии». Во внешнеполитической части инструкции снова речь шла о том, что правительство Черногории должно стремиться к хорошим отношениям с естественными союзниками — южными славянами и проявлять осторожность в контактах с западными странами и Османской империей. Рекомендовалось давать князю такие советы во внешнеполитических вопросах, которые бы «согласовывались с пользой России». Однако и Щеглову не было дано никаких конкретных указаний на то, как добиться от черногорских властей проведения нужных мероприятий.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что пример деятельности Петра Михайловича Власова является убедительным опровержением тех попыток фальсифицировать историю российско-черногорского сотрудничества в начале XX в., которые сегодня предпринимаются некоторыми представителями политического и научного сообщества Республики Черногории. Так, выпускница центра им. Маршалла И. Гардасевич опубликовала в 2018 г. статью «Россия и Черногория: как и почему были разорваны отношения, длившиеся столетиями», в которой заявила: «Российская дипломатия в отношении Черногории до и после получения Черногорией независимости на Берлинском конгрессе в 1878 г. скорее была диктатом, постоянной попыткой держать маленькую страну Черногорию под контролем»; «Долгосрочное покровительство, которое Россия обеспечивала выделением денег черногорским правителям, на деле было способом держать эту небольшую страну на коротком поводке, чтобы гарантировать, что эта маленькая, но компетентная в военном отношении нация будет помогать России в ее войнах, когда это нужно российским интересам. Каждый раз, когда черногорские правители пытались обратиться к другим странам для создания или укрепления союза, Россия агрессивно реагировала, СУЩЕСТВЕННО СОКРАЩАЯ ФИНАНСОВУЮ ПОДДЕРЖКУ (выделено мною. — В. Х.)»⁴³. Подобного рода суждения

не имеют ничего общего с реальными историческими фактами, подтверждаемыми тысячами архивных документов. Ни разу российская финансовая помощь Черногорскому княжеству не была сокращена, а только увеличивалась из года в год. Оказывая эту помощь и видя, как неэффективно она расходуется, российские дипломаты старались исправить ситуацию и перенаправить деньги на нужды черногорского народа, а не на обогащение бюрократии. Их действительно волновала судьба черногорской экономики, образования, медицины. Русские внесли огромный вклад в дело спасения Княжества от голода и нищеты, мешавших преодолению исторических проблем Черногории на рубеже XIX–XX вв. Хотелось бы, чтобы память и правда об этом сохранилась в трудах историков.

Примечания

- ¹ Пётр Михайлович Власов 1850 — 05.1904 / Соловов В. Дипломаты Российской империи. [Электронный ресурс] <http://www.rusdiplomats.narod.ru/vlasov-pm.html>.
- ² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3349. Л. 32–36.
- ³ Там же. Д. 3317. Л. 12 об.
- ⁴ Там же. Д. 1563. Л. 109–113.
- ⁵ *Хлебникова В.Б.* «Дух раздора» или «дух единства»: к вопросу о черногорско-сербских отношениях в начале XX столетия // *Славяне и Россия: Славяне и Россия в системе международных отношений.* М., 2017. С. 153–165.
- ⁶ Архивно одељење Народног музеја Црне Горе (далее — АОНМЧ). Ф. Приновљени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Д. 2. Черновик секретного донесения П.М. Власова В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1901 г.
- ⁷ Там же.
- ⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1563. Л. 84.
- ⁹ Там же. Д. 3349. Л. 110 об.
- ¹⁰ АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Д. 2. Черновик секретного донесения П.М. Власова В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1901 г.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1563. Л. 132.
- ¹² Там же. Д. 1563. Л. 165.
- ¹³ АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Д. 2. Черновик секретного донесения П.М. Власова В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1901 г.
- ¹⁴ Там же. Д. 1. Письмо В.Н. Ламздорфа П.М. Власову 16 мая 1901 г.
- ¹⁵ Там же. Письмо В.Н. Ламздорфа П.М. Власову 11 июля 1901 г.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Д. 2. 7 августа 1901 г. П.М. Власов написал В.Н. Ламздорфу: «Секретным предписанием от 16 мая за № 356 Вашему сиятельству угодно было поручить

мне приступить к подробной и всесторонней разработке мероприятий, направленных к возможному укреплению духовной связи России с черногорским народом и сообщить императорскому правительству фактический и иной материал, относящийся к этому вопросу».

18 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3349. Л. 120.

19 АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Д. 2. Секретное донесение П.М. Власова В.Н. Ламздорфу 7 августа 1901 г.

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же.

23 Там же. Д. 1. Копия письма министра финансов С.Ю. Витте от 9 ноября 1901 г.

24 *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991.

25 АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1902. Фас. L. Д. 1. Секретная копия письма министра финансов С.Ю. Витте военному министру А.Н. Куропаткину 20 апреля 1902 г.

26 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1902. Д. 21. Л. 109–110.

27 АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1902. Фас. L. Д. 2. Черновик донесения П.М. Власова В.Н. Ламздорфу от 19 марта 1902 г.

28 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1567. Л. 217–217 об.

29 АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1902. Фас. L. Д. 2.

30 Там же. Л. 52.

31 Там же. Л. 137.

32 Там же. Л. 43.

33 Там же. Л. 128 об.

34 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1902. Д. 21. Л. 39.

35 *Вуковић Г.* Мемоари. Обод-Цетине, 1985. Т. 1. С. 99.

36 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 17. Л. 149–151.

37 АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1902. Фас. L. Д. 1. Письмо В.Н. Ламздорфа П.М. Власову 28 июля 1902 г.

38 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1568. Л. 61.

39 *Хлебникова В.Б.* Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916. М., 2016.

40 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 54–56.

41 Там же. Д. 3349. Л. 105 об.

42 Там же. Д. 3313. Л. 7 об.–8.

43 *Гардасевич И.* Россия и Черногория: как и почему были разорваны отношения, длившиеся столетиями // Connections QJ 17, No 1 (2018): 65–80. [Электронный ресурс: https://connections-qj.org/ru/system/files/17.1.04_gardasevic_montenegro_rus.pdf]. С сожалением должна отметить большое количество исторических ошибок, допущенных автором статьи. Например, утверждается, что монах Филофей писал письма Петру I. Также смутило и вызвало желание возразить на некорректное упоминание моих публикаций. Так, автор «цитирует» слова министра-резидента К.М. Губастова из его служебной записки, опубликованной мною в журнале «Славяноведение» (См.: *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // Славяноведение. 1997. № 5. С. 35–51). Но ни в моем тексте, ни в самой записке нет тех слов, которые г. Гардасевич приписывает Губастову.

При этом автор статьи делает ссылку (причем без указания страниц) на сборник моих статей «Россия и Черногория в конце XIX–начале XX вв.» (Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. университета, 1992). Но и там тоже нет приведенной цитаты. И особенно непривлекательно выглядят попытки Гардасевич связать историю русско-черногорских отношений XIX — начала XX вв. с недавними политическими происшествиями в Черногории. Готовность «дружить» с США не должна приводить к искажению исторических событий, которые произошли столетие назад. — В. Х.